

Глава 9. Посольство

Господин Кун решил, что Жун Цзюань повредился умом.

В их Министерстве ритуалов появился новый вид душевнобольных.

Вот уже несколько дней настроение юноши было отвратительным. Само его положение в штате ведомства заставляло его отринуть свет и погрузиться во тьму.

Какое, к чёрту, противоядие?

Теперь один день тянулся за десять, и жизнь его продлевалась самым извращённым образом.

В очередной рабочий день Жун Цзюань, подобно призраку, вплыл в присутствие:

— Доброе утро. Я уже столетний старец.

В Министерстве ритуалов, не считая ключевых чиновников, служило около сорока человек. Сейчас почти все были в сборе. Помощники лишь мельком взглянули на появившегося точно к сроку молодого человека и молча отвели глаза.

Так было с самого первого дня.

Кроме господина Куна, никто из коллег не смотрел на него по-доброму.

Десять лет корпеть над книгами в безвестности, в то время как кто-то получает должность по щелчку пальцев, — такое кого угодно выведет из равновесия. Даже поступок новоиспечённого чиновника на дворцовом пиру сочли хитроумным планом, чтобы улучшить момент и блеснуть.

Хоу Шэнь, занимавший ту же должность помощника министра, в частных беседах с коллегами заявлял прямо:

— Мне стыдно находиться в одном ряду с этим чудовищем.

Когда чиновники-книжники решают известить кого-то, их методы напоминают цепную головоломку. Они не вступают в открытую перепалку, а придерживаются тактики «ничего не знаю, ничего не ведаю», что бы Жун Цзюань ни спрашивал по службе.

Новичок, не знакомый с системой и лишённый наставника, не сможет выполнять свою работу.

Их расчёт был прост: рано или поздно господин Кун сочтёт его обузой и проникнется к нему отвращением.

Однако юноша и не думал терзаться. Не можешь работать — не работай. Он начал разводить на своём рабочем месте цветы.

Хрупкий бальзамин.

Цветок, оправдывающий своё название, — весьма прихотливый.

— Птица феникс давно не прилетает, лишь ветви цветка напрасно носят её имя...

В ту эпоху не было кондиционеров. В летний зной все трудились в поте лица, а повернувшись, видели этого чудака, слагающего стихи и пьющего чай. Самые вспыльчивые едва сдерживались, чтобы вновь не навестить лекаря на соседней улице.

Утром явились люди из Ведомства императорских жертвоприношений.

Оно отвечало за ритуалы и церемонии, часто имело дело с императорской семьёй, и его чиновники обладали обширными связями. В целом, их власть была выше, чем у Министерства ритуалов.

Господина Куна сегодня не было. Остальные быстро ретировались, и Жун Цзюань невольно оказался на переднем крае.

Хлоп.

Чиновник из Ведомства жертвоприношений швырнул на стол документ, составленный несколько дней назад, и, нахмутив брови, прорычал:

— Посмотрите, что вы тут понаписали! Я же вам говорил, нужно...

Он припоминал этот черновик. Кажется, его составлял Хоу Шэнь. Документ подавали уже трижды, и каждый раз его исправляли в соответствии с требованиями Ведомства.

Но, очевидно, вышестоящему чиновнику результат не понравился, и тот тут же пошёл на попятную, вопрошая, почему они написали именно так.

Коллеги бросали на него злорадные взгляды. Такое случалось часто, оставалось лишь молча сносить обиду. Попытаешься возразить — смешают с грязью.

Глядя на высокомерного мужчину средних лет, Жун Цзюань спокойно отложил ножницы, которыми подрезал ветки, и медленно произнёс пять слов:

— Мой отец — канцлер Жун Чэнлинь.

— ...

Чиновник из Ведомства жертвоприношений замер.

— Ты что...

Он уже хотел было выругаться, но внезапно осознал, какая сила стоит за этим именем, и проглотил готовые сорваться с языка слова.

Встретившись с насмешливым взглядом юноши, гость необъяснимо струсил, поспешно бросил «переделайте» и ретировался.

В полдень пришли из Военного министерства.

— Мой названный брат — Се Яньчжоу, — сказал Жун Цзюань. — Если считаете, что где-то есть недочёты, я попрошу его лично внести правки.

Чиновник из Военного министерства:

— ...

После обеда явились из Министерства финансов.

— Мой крёстный отец — Великий инспектор, — произнёс он. — Тот самый Великий инспектор, который мастерски «закрывает счета» на людей.

Чиновник из Министерства финансов:

— ...

То, чего другие боялись как огня, молодого человека совершенно не волновало.

— Мне нужно остерегаться их?

Во время обеда один из коллег тихо шепнул Хоу Шэню:

— Вообще-то, пусть лучше он будет здесь талисманом.

Тот скривил губы, но не возразил.

Ничего не делая, Жун Цзюань умудрился стать опорой всего Министерства ритуалов.

Несколько дней спустя эта опора обнаружила ещё один «некачественный проект».

Рабочий день в ведомстве обычно заканчивался между пятью и семью часами вечера, то есть чёткого графика не было.

Роль часов исполнял господин Кун. Лишь после его ухода все осмеливались разойтись.

А господин Кун, неизвестно на каком топливе работая, в свои преклонные годы часто засиживался до семи, а то и дольше.

Учитывая, что тот всё же проявлял к нему некоторую заботу, Жун Цзюань поручил Системе написать анонимное письмо с настоятельным требованием уходить с работы вовремя.

Система симитировала почерки нескольких десятков чиновников. Содержание письма было следующим:

[Когда заканчивается рабочий день?]

[Когда заканчивается рабочий день?]

[Когда заканчивается рабочий день?]

[Когда заканчивается рабочий день?]

...

Лист был испещрён его негодованием.

В тот же день юноша заметил, что господин Кун смотрит на него как-то странно. Ближе к вечеру начальник всё же не выдержал:

— Вы так молоды, если есть замечания, скажите прямо. Зачем письма писать?

— ...

«Какой позор»

«Как, по-твоему, господин Кун догадался, что анонимку написал я?»

Наконец-то рабочий день закончился вовремя. Жун Цзюань сидел у манежа для верховой езды, который Се Яньчжоу устроил в своей резиденции, и со стеклянным взглядом задавал вопросы.

В последнее время, в перерывах между попытками отравить друг друга, они с Генералом Се незаметно сблизилась.

Се Яньчжоу выгуливал Инь Сяо. Конь упорно тянулся к Жун Цзюаню, надеясь получить угощение.

Краем глаза наблюдая за своим бесхребетным любимцем, Се Яньчжоу ровным тоном произнёс:

— В Министерстве ритуалов прежде не было анонимных писем.

Собеседник мгновенно всё понял.

— А с моим приходом появились.

Ответ был очевиден. Се Яньчжоу повернулся, собираясь сменить пропитанную потом одежду.

Издали донеслось пение птиц. В резиденции генерала держали немало редких пернатых. Жун Цзюаня осенило:

— Постой, можешь попросить кого-нибудь выдрессировать для меня птицу?

Не то что птицу, Се Яньчжоу и в соколиной охоте был первоклассным мастером. Он остановился, ожидая объяснений.

— Тогда в будущем я смогу отправлять черновики документов и анонимки с птицей, — радостно пояснил юноша.

Это избавит его от необходимости ходить самому.

Се Яньчжоу усмехнулся. Такого лентяя он ещё не видел. Он вновь зашагал прочь, не обращая на него внимания.

— Погоди, у меня есть ещё одно дело всей жизни! — поспешил за ним Жун Цзюань.

— Твоё главное дело — найти нового учителя и выучить язык.

Жун Цзюань напомнил об услуге, оказанной на пиру:

— Генерал, уборная в нашем министерстве, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Средства на ремонт никак не выделяют. Не могли бы вы замолвить словечко, чтобы деньги поскорее утвердили?

Се Яньчжоу показалось, что он ослышался. Он несколько секунд смотрел на собеседника, видя лишь непоколебимую решимость в его ясных, как лунный свет, глазах.

— Ты хочешь использовать мою услугу... чтобы отремонтировать уборную?

Инь Сяо, почувствовав грозную ауру, исходившую от хозяина, молча отступил на несколько шагов.

Жун Цзюань решительно кивнул.

Несколько лет назад в уборную Министерства ритуалов ударила молния. Её кое-как залатали, и теперь она мало чем отличалась от выгребной ямы.

Пол, покрытый скользким мхом, был всегда влажным.

Казна была пуста, и все выделяемые средства ведомство в первую очередь пускало на надбавки к жалованию. Вместо чистой уборной чиновники предпочитали живые деньги.

Это стало настоящей мукой. Однажды, после того как Жун Цзюань съел что-то не то, он едва не поскользнулся и не упал внутрь.

— Сытый голодного не понимает... то есть, всадник не поймёт страданий пешего. Ты не представляешь, мне каждый раз приходится читать мантру, когда я туда захожу.

Иначе малейшая неосторожность — и он рухнет вниз, как падающая звезда.

Се Яньчжоу нахмурился:

— Какую ещё мантру?

— Ноги на ширине плеч, колени согнуты, ладони на животе.

Жун Цзюань слегка продемонстрировал позу, и его охватила скорбь.

— Сосредоточиться на дантяне!..

Последние слова он протянул так долго, что скорбный вопль эхом разнёсся по всему манежу.

Воздух застыл в пугающей тишине.

Спустя мгновение ледяное выражение лица Се Яньчжоу треснуло. Он не смог сдержаться и, отвернувшись, зашагал прочь. Он шёл не останавливаясь, но плечи его, казалось, мелко подрагивали.

В то же время, в Управлении по надзору.

Один из подчинённых докладывал о недавних событиях в Министерстве ритуалов.

Личность Жун Цзюаня, перемена в его характере и череда совпадений, связанных с ним, привлекли внимание многих тайных наблюдателей, и Управление по надзору не было исключением.

В столице повсюду были их шпионы, некоторые даже занимали чиновничьи посты. Они тайно следили за каждым, отмечая, что те говорят и делают. Эта всепроникающая, холодная атмосфера постоянно висела над двором, как тёмная туча, вызывая у чиновников глубокую ненависть.

— Жун Хэнсун, вступив в должность, занимался лишь одним — прикрывался чужим авторитетом.

На столе Великого инспектора лежали секретные донесения. Он рассеянно слушал. В документах содержалась информация о недавнем восстании князя Дина.

Этот мятеж, подавленный лично Правым канцлером, вызывал у него подозрения. Что задумал этот старый лис, Жун Чэнлинь?

Услышав фразу о чужом авторитете, Великий инспектор небрежно спросил:

— И кто же этот тигр?

— Вы.

Подчинённый тут же строго поправился:

— Вы все.

Великий инспектор приподнял тяжёлые веки. Подчинённый мгновенно ощутил давление и поспешил изложить всё в мельчайших подробностях.

Выслушав, Великий инспектор спросил:

— Когда он гостил в резиденции генерала, он предпринимал какие-нибудь действия?

— Действия предпринимал генерал. Он был занят поиском мастеров, чтобы отремонтировать юноше уборную.

— ...

— Не знаю, может, ваша тигриная шкура полезнее, — осторожно спросил подчинённый, — но в последние два дня Жун Хэнсун всем отвечает одно: «Есть претензии — идите к моему крёстному отцу». Может, стоит его предупредить?

Великий инспектор помолчал, а затем усмехнулся:

— Пусть делает что хочет.

После этого он перешёл к другому, более важному делу, и выражение его лица снова стало серьёзным:

— Скоро прибудет посольство ужунов. Внутренний город должен быть в полном порядке. Привлеките людей из всех управ для усиления охраны.

— Слушаюсь!

Лето тридцатого года правления под девизом Юндин. В Министерстве ритуалов отремонтировали уборную. Всё ведомство ликовало.

Уровень жизни Жун Цзюаня достиг новых высот. Теперь, помимо созерцания цветов, он завёл себе маленького воробья.

На этот раз никто его не упрекал.

В некотором смысле, пользы от развлечений этого отпрыска знатной семьи было куда больше, чем от нескольких написанных им документов.

В конце того же месяца, в самый знойный день, в столицу прибыло посольство ужунов.

И без того загруженное Министерство ритуалов теперь работало на износ. Даже обычно мягкий господин Кун стал раздражительным и, не приседая, метался по ведомству, координируя работу.

В прошлой жизни юноша был отличником. Написать докторскую диссертацию на сто тысяч слов для него не составляло труда, но составление официальных документов... он и за час не мог выдать из себя и пары строк. За все свои перемещения он ни разу не занимал канцелярскую должность.

Он подошёл к господину Куну и объяснил ситуацию:

— Меня не обучали делопроизводству.

Что до Системы, то форматы официальных бумаг в каждой династии были разными, так что от этого исторического недоразумения толку было ещё меньше.

— Ничего страшного. Сначала напиши, а я потом поправлю, где нужно.

Жун Цзюань поверил ему, но тут же увидел, как господин Кун, повернувшись, набросился на чиновника из типографии:

— Вы что, с закрытыми глазами писали раздел о ритуальных нормах? Опечатки, пропущенные слова, полная бессмыслица! Позор для книжника!

— ...

Молодой человек молча вернулся на своё место.

— Мудрый брат, мудрый брат.

Голос был таким тихим, что Жун Цзюань подумал, будто пробежала мышь, и огляделся по

сторонам.

— Мудрый брат, сюда, — Хоу Шэнь, который всегда смотрел на него свысока, внезапно подошёл сам. — У меня есть отличное предложение.

Юноша посмотрел на него со странным выражением. Разве не этот человек ещё недавно его игнорировал?

— Зови меня «невежественный брат», — ответил он. — Я уже не мудрый, хочу быть неграмотным.

Хоу Шэнь проигнорировал странный ответ и соблазнительно спросил:

— Скоро нужно будет отправить человека в резиденцию посольства для сверки списка вещей. Не хочешь пойти со мной?

Жун Цзюань мгновенно загорелся.

— Ты только не поддавайся на его уловки! — чиновник, только что вернувшийся из новенькой уборной и благодарный за неё, поспешил его предупредить. — Ты не знаешь, как трудно иметь дело с этими послами.

Он погладил воробья. Кончики крыльев щекотали ладонь.

— Разве они не только что потерпели поражение? — небрежно спросил он.

Чиновник трижды вздохнул:

— Ужуны раньше постоянно враждовали между собой, делились на южных и северных. Но после этого поражения они, представь себе, объединились. Сначала захватили несколько мелких западных государств, а теперь, говорят, хотят по нашему примеру основать своё собственное государство под названием Юэ.

Если бы угроза исходила только с границы, Великая Лян, пусть и с большими потерями, смогла бы их уничтожить. Но на юго-восточном побережье другие племена тоже точили зубы, только и ждали удобного момента для нападения.

Хоу Шэнь не удержался и вставил:

— Жаль, при жизни старого генерала Се прибрежные племена не представляли угрозы.

— Но Его Величество всё никак не решится нанести сокрушительный удар по ужунам, — с негодованием продолжил он. — Генерал Се, унаследовав талант отца, — гениальный полководец. Пару лет назад у него были все шансы на победу, но Его Величество всё тянул и тянул, в итоге и те, и другие успели набраться сил...

— Хоу Шэнь!

Чиновник резко оборвал его. Осуждать государя — это что, жить надоело?

Тот понял, что сболтнул лишнего, и в панике пробормотал:

— Считайте, что вы ничего не слышали. Его Величество очень мудр.

Жун Цзюань лишь улыбнулся. У него самого о старом императоре сложилось не лучшее впечатление.

Какой нормальный человек усыновит столько принцев? Это же намеренное разжигание междоусобиц. Использовать интриги, когда страна под угрозой извне... крах империи — лишь вопрос времени.

— Я готов пойти с братом Хоу, — сказал юноша под изумлённым взглядом чиновника.

Поездка по делам куда лучше, чем торчать здесь. Туда-обратно, под любым предлогом, можно растянуть на пару часов.

Глаза Хоу Шэня загорелись. Боясь, что тот передумает, он тут же схватил его за руку:

— Идём.

— Но мне ещё нужно учить тексты, надо спросить разрешения у господина Куна.

— Не нужно! Я за тебя напишу, когда вернёмся.

Когда они вышли из ведомства, небо было голубым, а воздух — свежим.

Погода после дождя как нельзя лучше подходила для сна. Жун Цзюань сел в повозку с птичьей клеткой, и на его болезненно-бледном лице даже появился лёгкий румянец.

Чирик-чирик.

Не только он, даже воробей зачирикал веселее.

В отличие от него, Хоу Шэнь выглядел ещё более озабоченным. Лишь мысль о том, что с ним будет коллега, немного его успокаивала.

— Брат Хоу, — внезапно заговорил Жун Цзюань, — раньше повозки ехали медленно.

Зачем заставляя возницу так гнать?

Хоу Шэню стало немного легче. Похоже, тот тоже боится и пытается оттянуть неизбежное.

Повозка наконец замедлила ход. По дороге юноша задремал и проснулся лишь от того, что спутник отчаянно тряс его.

Без львиного рёва Жун Цзюань просыпался медленно, что также было связано с накопившимися в его теле токсинами.

— Живой, — с облегчением выдохнул Хоу Шэнь.

Шум и крики торговцев ворвались в повозку, прервав разговор.

С Системой юноша не боялся умереть во сне. Он протёр глаза и выглянул наружу.

В Великой Лян для приёма чужеземцев было три резиденции. Восточная занимала несколько гектаров, насчитывала более ста зданий и имела специальную торговую зону.

У ужунов было много ценных товаров, особенно хорошо продавались изделия из кожи.

В последние два года хлопок становился всё дороже, а привезённая кочевниками кожаная одежда не только хорошо согревала, но и стоила вдвое дешевле ватника. Иногда они также обменивали лошадей на зерно, но обычно только жеребят.

Место, где официально разместилось посольство, находилось ещё глубже на территории резиденции.

Не успели они войти, как Жун Цзюань услышал громкий, грубый смех:

— У вас тут так много правил. Даже в другие районы внутреннего города не пускаете.

— Наш великий хан хочет взять в жёны принцессу, сделать её своей четвёртой женой. По-

вашему, по-срединному, это будет зять императора. Куда ему нельзя?

Хоу Шэнь с мрачным лицом пробормотал ругательство.

— Эти варвары ещё по дороге сюда кричали, что хотят жениться на принцессе. Мечтатели, — объяснил он спутнику.

Жун Цзюань молча слушал, прогуливаясь с птицей и осматривая окрестности.

Воздух был пропитан запахом крепкого алкоголя.

Больше десяти крепко сложенных мужчин сидели на земле. У предводителя в руках был бараний окорок, почти сырой. Он полил его вином и впился зубами.

Служащий резиденции, подносивший вино, слегка дрожал. Послы яростно вгрызались в мясо, разрывая жилы и плёнки. Видя, что служащий боится смотреть им в глаза, они начали стучать по столу и бранить жителей Лян за трусость.

Услышав, что кто-то вошёл, посол обернулся.

Хоу Шэнь не понял, почему они смотрят только на него, а потом обнаружил, что Жун Цзюань стоит к нему спиной и кормит птицу.

— ...

Он хотел как можно скорее закончить это неприятное дело. Хоу Шэнь подошёл к послам и сказал, что им нужно сначала записать и проверить привезённые для аудиенции дары.

— У наших народов разные обычаи. Если вам нужно что-то особенное, можете сообщить мне.

Предводитель послов внезапно встал. Он был на голову выше всех присутствующих.

Хоу Шэнь не хотел поднимать на него взгляд, но чувствовал, как приближается тень, и волосы у него встали дыбом.

Однако на этот раз посол ужунов не стал его притеснять. Он по-свойски обнял его своей мощной рукой:

— Не торопись, — его речь была на удивление беглой.

Сначала Жун Цзюань стоял сзади, и посол его не видел. Теперь же, заметив его необыкновенную внешность, он на мгновение замер, а потом расхохотался:

— Здешние чиновники красивее рабынь в наших шатрах!

Сравнение придворных чиновников с рабами было величайшим оскорблением.

— Не поддавайся на провокации, — поспешно сказал Хоу Шэнь Жун Цзюаню, которого только что оттолкнули в сторону.

Сейчас напоминать о влиятельном отце было бесполезно.

Однако юноша, казалось, видел только своего воробья, а всё остальное было для него лишь щебетом птиц и ароматом цветов.

Посол ужунов, не увидев на его лице гнева, остался недоволен. Он заметил, что тот странно держит клетку — лишь большим и указательным пальцами.

Жун Цзюань почирикал с воробьём и представил его:

— Его зовут Идяньдянь.

— Идяньдянь, поздоровайся с послом.

Воробей, конечно, ничего не понял и просто чирикнул.

— Идяньдянь желает вам доброго дня, — сказал он.

Посол ужунов чувствовал, что что-то не так, но не мог понять, что именно. Ему было просто неприятно. Но потом он подумал, что было бы странно, если бы ему нравились чиновники Лян.

Предводитель послов не отпускал Хоу Шэня, продолжая держать его за шею, и другой рукой потянулся к его спутнику.

Но не достал.

Жун Цзюань на удивление оказался проворным.

Это был не просто дружеский жест, а скорее удушающий захват. Хоу Шэнь почувствовал, что задыхается, и лишь когда его отпустили, он смог твёрдо встать на ноги.

Предводитель послов сел на своё место:

— Давайте, выпейте с нами.

Его похотливый взгляд снова скользнул по лицу юноши:

— Без рабынь вино не такое вкусное. Неожиданный сюрприз.

Сидевший рядом посол нарочито тихо сказал:

— Лицо красивое, интересно, какая на ощупь кожа. Говорят, у жителей Срединной равнины она очень нежная.

Ужуны были известны своей похотью и неразборчивостью в связях. Жун Цзюань был для них лакомым куском.

— Ха-ха-ха!

Хоу Шэнь не мог больше сдерживаться. Варвары вели себя вызывающе, словно намеренно провоцируя их на драку.

Вероятно, это была и проверка. Если бы у Великой Лян были планы нанести ответный удар, они бы не стали терпеть. Если же они проявят слабость, это будет означать, что в ближайшее время Лян не осмелится начать войну.

Голова Хоу Шэня раскалывалась. Он пытался придумать, что делать, и одновременно сдерживал унижение. В итоге он решил сделать вид, что ничего не слышал, и повторил свой предыдущий вопрос.

Однако послы лишь настойчиво требовали, чтобы они присоединились к выпивке, и ни о чём другом говорить не хотели.

Атмосфера накалялась. Рядом раздался тихий, лёгкий голос:

— Я голоден.

Лёгкое дуновение воздуха, сопровождавшее слова, и приятный тембр голоса Жун Цзюаня в летний зной создавали иллюзию прохлады.

Хоу Шэню было не до эстетики. Он готов был выругаться. Какое ещё «голоден» в такой момент?

Неужели этот отпрыск знатной семьи от злости повредился умом?

На самом деле Жун Цзюань был как никогда в здравом уме. Потому что было слишком шумно.

Последние остатки сна давно улетучились. Он посмотрел на солнце и спокойно прикинул время. Если бы он сейчас был в Министерстве, то уже шёл бы обед, во время которого можно было бы немного вздремнуть.

Не то что в этой резиденции. Воздух был отвратительный, пропитанный запахом алкоголя и сырой баранины. С самого прихода он стоял на ногах, и они уже начали подкашиваться.

В общем, он был голоден, конца рабочего дня не предвиделось, а эти послы ужунов всё не унимались.

Грубый смех, наглые насмешки.

Все эти звуки окружали его, но выражение лица Жун Цзюаня оставалось непроницаемым. Спустя мгновение он тихо сказал:

— Брат Хоу, я тут подумал.

— О чём? — раздражённо спросил тот.

— У меня всё равно есть охранная грамота. Давай я убью посла, а потом мы пойдём обедать.

Жун Цзюань всё продумал.

Во время войны послов не убивают. Но войны сейчас нет, значит — можно.

Хоу Шэнь, который и так был на грани:

— ...

Что?! Поскольку юноша произнёс это самым обыденным тоном, тот поначалу даже не сообразил, в чём дело. Когда же до него дошёл смысл сказанного, лицо Хоу Шэня резко изменилось:

— !!!

Что ты сказал?!

<http://bllate.org/book/15979/1443413>